

ПРОЛОГ

ПРИЗНАНИЕ КОШЕВОВОГО

18 декабря

За решетчатым окном «шли и шли и пели “Вечную память”». Куривший у подоконника капитан полиции Федотов не задавался вопросом, по ком она звучит. Все и так знали, что сегодня хоронят известного байкера Султана, в миру – Ивана Пустового, который «хату покинул, пошел воевать» на Донбасс, где и сгинул в неравном бою с укрофашистами, о чем уже дня три как трубили по всем телеканалам. Депутаты, казаки, рокеры и аналитики распевали панегирики безбашенному герою «народного ополчения Новороссии». Из репортажей явствовало, что Султан, командир добровольческого батальона, воевавший под этим же ником-позывным, попал в окружение под Донецком, отстреливался до последнего патрона и пал смертью храбрых.

Для страны событие стало настолько знаковым, что президент перенес свою ежегодную большую пресс-конференцию с четверга на пятницу, чтобы принять участие в церемонии – уже на Красной площади, при погребении праха героя в Кремлевской стене. Изуродованный труп Пустового украинские националисты обменяли на двадцать пять своих раненых и убитых соратников. Это тоже было известно Федотову из новостей, ни одному слову в которых он, ветеран двух Чеченских войн, не верил.

Возможно, в какое-нибудь иное хмурое и морозное декабрьское утро он и удивился бы огромному скоплению разношерстного люда, идущего за гробом с непокрытыми головами, красными знаменами, хоругвями, ликами святых и венками с вплетенными в них пластиковыми цветами и оранжево-черными георгиевскими ленточками.

Но только не сегодня, когда вывалившийся из его правой почки в мочеточник четырехмиллиметровый камушек причинял ему такие неопишуемые мочеполовые страдания, что капитан в течение последнего часа уже четыре раза должен был прерывать допрос и бегать в туалет в дальнем конце коридора.

Неопишуемыми эти ощущения представлялись Федотову потому, что стреляный во всех смыслах мент не обладал опытом профилактики мочекаменной болезни. Путаясь в симптомах, капитан грешил на младшего лейтенанта Полухину из разрешительного отдела, которая накануне после продолжительной осады уступила-таки его служебному рвению и разрешила наконец воспользоваться «личным оружием» по прямому назначению. Федотов знал, что он скажет Полухиной в понедельник, когда она попадет к нему в коридоре, но не знал, что соврет супруге Кирочке сегодня вечером. Не знал он и когда сможет попасть к врачу, к какому и где, тем более в выходные. А ему объективно становилось с каждой минутой все хуже. Капитан любил это слово – «объективно». Но даже объективно не знал, когда сможет закончить этот допрос, который длился уже около часу и без всякого толку. На физическое воздействие для вразумления подозреваемого Федотов в его сегодняшнем состоянии был неспособен.

Задержанный на месте преступления с оружием в руках что-то невнятно мычал, то ли нуждаясь в срочной психиатрической помощи, то ли в еще более срочной опохмелке. Когда Федотов, морщась от боли, взял с подоконника графин и налил сначала себе, а потом и убийце в стакан воды, тот всосал ее в себя одним глотком. Сделал он это не поднимая головы, причмокивая губами и языком, как зверь, и расплескивая воду на бледно-коричневый линолеум, местами выцветший и исполосованный ножками стола, который все время двигали, и стула, на котором все время ерзали. Потом он вновь обхватил лысеющую голову руками и опять принялся раскачиваться из стороны в сторону в такт своему внутреннему монологу, вздрагивая время от времени – то ли от икоты, то ли от рыданий.

Федотов сам был с жестокого бодуна, но и ему в какой-то момент стало невыносимо дышать лезущими в лицо спиртовыми выхлопами. Капитан открыл форточку и жадно глотнул терпко-

го, как маринованный огурец, морозного воздуха. После спасительной кислородной инъекции он закурил новую сигарету. Край рыжего горшка с кактусом на подоконнике весь был замалеван пепельными разводами. У подножия покрытого белесыми колючками растения уже образовалась неровная кучка коротких капитанских окурков. В кабинете заметно посвежело. Форточку вполне можно было закрыть, но Федотов медлил. Дотягивая сигарету, он продолжал рассеянно смотреть на мутную черно-красную людскую реку за окном, словно сам пытался ее переплыть и тонул, не в силах справиться с течением.

Среди соседей по подъезду сантехник Кошевой слыл добропорядочным гражданином, примерным семьянином, заботливым родителем двух малолетних детей, к счастью или к несчастью, гостивших у бабушки по случаю ее болезни, и мужем тихой и, по уверениям тех же соседей, незаметной бухгалтерши из ЖЭКа, которую знал, любил и уважал весь дом. Так обстояло дело до вчерашнего дня. В среду вечером, на исходе шестнадцатилетней истории вполне себе устроенного, по показаниям свидетелей, брака, Кошевой выпустил в супругу Соню шесть пуль из «Макарова» интересного происхождения и перед тем, как отключиться, сам вызвал полицию.

Он не был запойным алкашом, да и горьким пьяницей тоже, иначе не работал бы в ответственной организации на ответственном посту. Конечно, выпивал, как все сантехники, но – в дни полочки, в меру, тихо и дома. В тот вечер выходявший на балкон покурить сосед, по собственному утверждению, слышал громкие мужские возгласы, доносящиеся из квартиры Кошевого, среди которых якобы различил фразы «Х...й тебе, а не детей, сука рваная!» и «Х...й ты ему достанешься, б...дищца!», которые он дословно и с выражением повторял, особенно усердствуя на шипящем суффиксе, пока капитан не оборвал его.

Дело было, в общем, плевое. Кастрюльный убой. Мокруха-бытовуха голимая. Если бы не ствол.

Ствол был замазанный. Вот откуда, спрашивается, у жэковского сантехника этот номерной, похищенный из машины вневедомственной охраны на парковке у отделения Сбербанка на улице Правды два года назад ментовский ствол, на котором с тех пор висят два

убийства? Федотова трудно было чем-то удивить, но здесь, увидев заключение баллистиков, а потом и взглянув на физиономию Кошевого, он испытал нечто похожее на недоумение. Уж больно не вязался этот тип с привычным капитану контингентом. Такие если чем и убивают, то утюгами, разделочными ножами и прочим кухонным инвентарем. И где он взял этот ствол? Не сам же он его похитил в «рабочее от свободы» время...

Подменить капитана в этот пятничный день, увы, было некому. В пятницу сдавали отчетность, и подполковник Трепетных требовал раскрытия. Любыми подручными средствами. Позвав в допросную дежурного, чтобы выбежать в очередной раз в конец коридора, и пролетая мимо кабинета начальника, капитан услышал текст, который заставил его приостановить шаг и прислушаться.

– Какой он, на хер, опер-х...ёпер! – громко говорил кому-то раздраженный шеф. – Совсем нюх потерял. Дал бы злодею по мозгам, глядишь, сразу бы раскололся. Нет, б...дь, не те кадры у меня, не те! Ссут всего, б...дь, козлы!

Вернувшись к себе, закрыв за дежурным дверь и собравшись с силами, Федотов подошел к задержанному и молча, с размаху, ударил кулаком в ухо. Кошевой упал со стула, остался лежать на боку, дергая ногой и рыдая теперь уже в полный голос. Федотов схватил графин и со словами:

– Освежись, урод! – вылил остатки содержимого преступнику на голову.

Тряся головой, сантехник заревел еще сильнее. Брызги так и летели во все стороны.

– Говори, сука, где ты ствол взял, падла! – закричал капитан нарочито громко, чтобы слышно было если и не в кабинете начальника, то хотя бы в коридоре. – Скажешь, где взял, и пойдешь в камеру, проспиться! Может, еще что-то вспомнишь. Говори, козел, пока я сам тебя не пристрелил, падаль!

Усиливающееся болезненное состояние добавило в капитанские угрозы больше истерического фальцета, нежели тяжелого металла, но вовремя привлекло внимание проходившего мимо федотовского кабинета Трепета, как в отделе звали за глаза сурового начальника. Тот остановился, открыл дверь и наиграно поморщился, отво-

дя взгляд от убийцы и склонившегося над ним бледного, как ангел смерти, капитана.

– Где взял ствол, б...дь?! – снова проорал Федотов, не замечая появившегося в допросной Трепета. – Где?!!

Кошевой вдруг сел прямо, не поднимаясь с пола, и спокойным, почти трезвым голосом, ясно и отчетливо, словно диктор по студийному суфлеру, произнес название места, где он обнаружил злополучный ПМ, и название организации, в которой данный объект расположен.

Капитан поднял взгляд, заметил начальника, улыбнулся одним оскалом и, почти забыв о приступе, попятился к столу, чтобы сесть и внести показания в протокол.

– Молодец, – буркнул подполковник, закрыл дверь и направился было в дежурку на дневной развод. Но уже на лестнице, ведущей на первый этаж, он резко остановился, посмотрел на часы, развернулся, как пловец-олимпиец у бортика на короткой воде, и со всех ног кинулся назад.

– Где?! – прорычал он, рывком открыв дверь допросной так, что дверная ручка со стоном гнувшегося железа ударилась о стену, а на пол посыпалась штукатурка. – Где, б...дь?! Повтори, что он сказал!!! – палец начальника нацелился точно в переносицу Федотова.

Глаза у Трепета выпучились так, что оперу, глядя на набухающее, лиловое, как свекла, лицо подполковника, показалось: еще чуть-чуть – и того можно будет сразу нести по улице в гробу вслед за новомучеником Султаном, под падающими, сизыми от мороза снежинками... под нестройное и угрюмое, словно вой, пение.

Успевший за полминуты вспотеть Федотов и, похоже, сумевший полностью протрезветь Кошевой одновременно и в унисон повернули головы в сторону подполковника и повторили где. Таким тоном, будто тот и другой были не опером и подозреваемым, а оба соучастниками убийства, из которых какой-то другой, настоящий следователь только что выбил одновременное признание.

Через минуту после объявления тревоги и немедленного сбора всего личного состава подполковник нажал красную, похожую на аварийку, клавишу стационарного телефонного аппарата на столе и сообщил в этот аппарат новость. Сначала скороговоркой, и потом,

когда его попросили взять себя в руки и доложить обстоятельно, он взял себя в руки и доложил.

А на улице все «шли и шли и пели». Федотов стоял у открытой форточки и, прислушиваясь к доносящемуся с воли пению, не чувствуя вкуса, тянул очередную сигарету. Кошевого увели, боль утихла, и капитан был почти спокоен.

Безрадостный звуковой фон за окном был внезапно нарушен – вплетаясь в заунывное пение и быстро заглушив его, в кабинет капитана Федотова ворвался рев десятков рокерских моторов. Сопратники Султана, члены мотобанды «Белые волки», съезжались на панихиду со всей Москвы.